

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Фрэнк Бийе

Современность в пространственном измерении: открытые рынки, герметичность и вертикальность в двух приграничных городах России и Китая¹

БИЙЕ Фрэнк
(Billé, Franck) —
PhD, научный
сотрудник факультета
антропологии
Кембриджского
университета. Адрес:
Англия, г. Кембридж
CB2 3RF, ул. Фри-Скул-
лэйн.

Email: franck.bille@gmail.com

Перевод с англ. Марии
Ляховской.

Науч. ред. перевода —
З. В. Котельникова.

В статье рассматриваются различные подходы к организации городского пространства, характерные для двух городов, расположенных на российско-китайской границе, — Благовещенска (Россия) и Хэйхэ (Китай). Трансграничная торговля, начавшаяся в 1990-х гг. и развивающаяся благодаря экономической активности преимущественно китайской стороны, способствовала быстрому превращению Хэйхэ в современный город; что касается Благовещенска, то складывается такое впечатление, будто за эти годы ничего не происходило или даже существовала стагнация. Ещё одно различие между двумя городами проявляется в том, как идея современности (modernity) встраивается в пространство городскими практиками: в Благовещенске предпочтение отдаётся горизонтальному функционализму, тогда как в Хэйхэ главным образом следуют «культовой» модели вертикальности, характерной для мегаполисов Южного Китая.

Исходя из идеи пространственного дисбаланса, автор демонстрирует, что из-за восприятия современности в горизонтальной плоскости жители российского города невольно сглаживают объёмность вертикальных пространств и не замечают драйверы экономического роста, спрятанные за или под фасадами направленного им навстречу г. Хэйхэ. Иными словами, восприятие пространства формирует культурный фрейм, через который оцениваются развитие, успех и современность Другого.

Работа основывается на материалах антропологического исследования, проведённого в октябре — ноябре 2011 г., включающего серию из 10 полу- и неструктурированных интервью с респондентами различного возраста и социального происхождения, в том числе с предпринимателями, научными сотрудниками, молодыми специалистами и студентами. Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Newton Trust (Кембридж, Великобритания).

Ключевые слова: российско-китайская граница; урбанизм; пространство; вертикальность; торговля; открытые рынки.

¹ Я признателен коллегам за многочисленные комментарии, высказанные в ходе подготовки данной работы. Хочу особенно поблагодарить Кэролайн Хамфри (Caroline Humphrey), Мэрилин Стрэттерн (Marilyn Strathern), Паулу Хаас (Paula Haas), Наянику Матур (Nayanika Mathur), Хюн-Гви Парк (Hyun-Gwi Park), Барбару Боденхорн (Barbara Bodenhorn), Юрия Слезкина, Наталью Рыжову.

Введение

Американский социолог Нил Флигстин замечает, что слишком часто динамизм рыночного общества объясняется с точки зрения рационального спроса и предложения, движение которым придаёт развитие технологий. Однако, утверждает Флигстин, указанный динамизм возможен благодаря взаимосвязанным социальным организациям, образующим окружение. Социальные силы, утверждает он, «не экзогенны по отношению к рыночному обществу, а эндогенны для этих социальных отношений» [Fligstein 2001: 3]. Таким образом, выживание социальных институтов не сводится к экономической эффективности, напротив, социальные силы являются неотъемлемой частью того, что конституирует архитектуру рынков.

В данной статье вслед за Флигстином предпринимается попытка включить социальные процессы в анализ структуры и динамики материального производства и потребления [Fligstein 2001: 6]. При этом представляемую работу от концепции Флигстина отличает тип архитектуры, на котором сфокусировано исследовательское внимание. Изучая материальную архитектуру и подходы к организации городского пространства, я рассматриваю, каким образом современность развивающейся экономики Китая структурирована в пространстве. На примере городов-близнецов Благовещенска и Хэйхэ изучается пространственная организация этих двух городов и особенно различие в их подходах к использованию горизонтального и вертикального пространств.

Согласно китайскому географу и теоретику И-Фу Туану, оппозиция «вертикаль — горизонталь» фундаментальна для восприятия человеком места. Эти разные оси «символически означают то же, что и антитеза “трансцендентность и имманентность”, “идеал бестелесного сознания (возвышенная духовность) и идеал приземлённой идентификации”. Вертикальные элементы пейзажа порождают чувство устремлённости и вызов гравитации, в то время как горизонтальные элементы напоминают о смиренности и покое» [Tuan 1974: 28]. В своей недавно вышедшей статье Туан объясняет, что небоскрёбы на городском горизонте в большей степени отвечают потребностям делового и финансового мира, в то время как «работа, связанная с органами власти и управлением, по всей видимости, требует ощущения стабильности и серьёзности (*gravitas*), которое лучше всего передают малоэтажные постройки» [Tuan 2007: 29].

В представляемой статье я описываю эволюцию двух городских пространств; меня, в частности, интересует возникновение открытых розничных рынков в Благовещенске в начале 1990-х гг. Я показываю, что в Благовещенске торговые пространства, организованные по подобию открытых рынков, в целом воспринимались как нечто не соответствующее российской современности и по этой причине подвергались социополитическому давлению, в основе которого было стремление удержать открытые рынки в определённых рамках и сделать их незаметными. Со ссылкой на китайские рынки и базары как нежелательные примеры происходило обоснование необходимости в модернизации этих торговых пространств, в частности, наблюдалось стремление убрать открытые рынки с улицы и вписать их в герметичную структуру. Однако сведение китайских торговых практик к уличным базарам заслонило другие формы экономической деятельности, в том числе и те, которые расположены по вертикали². Выводя на первый план само пространство, где ведётся торговля, я намерен показать, что пространственное измерение служит ещё одной призмой, при помощи которой происходит осмысление экономического обмена.

² Статья фокусируется на российской стороне китайско-русской границы в первую очередь из-за пространственных ограничений, но также из-за реально существующего дисбаланса в потоке людей и товаров между этими городами. Если жители Благовещенска могут легко въехать в Китай и находиться там без визы до 30 дней, то для китайцев из Хэйхэ пересечение границы требует значительных финансовых и временных ресурсов. В результате только Хэйхэ выступает реальным местом встречи этих групп.

В данной статье предлагается преимущественно антропологический анализ. Работа опирается на этнографическое исследование, реализованное мной в Благовещенске в октябре — ноябре 2011 г., материалы которого включают 10 неструктурированных интервью с широким кругом респондентов³ разного возраста и социального происхождения, в том числе с предпринимателями, научными сотрудниками, молодыми специалистами и студентами. В дополнение были проведены три групповые дискуссии в Амурском государственном университете (АмГУ). Респонденты отбирались на основе метода «снежного кома». Целью выборки было представить различные социальные слои населения и не ограничиваться какой-то одной специфической группой, дабы избежать возможных смещений. Этнография разнообразных случаев заключается не в том, чтобы провести анализ репрезентативных точек зрения, а в том, чтобы получить понимание формирующейся социальной и экономической динамики, обнаруживаемой локально.

В данном исследовании также есть феноменологический ракурс, поскольку на первый план выводятся субъективность и соматический опыт моих информантов, зафиксированные с помощью наблюдения за их реакциями на визуальные стимулы горизонта Хэйхэ. В этом отношении моё исследование согласуется с идеями Патрика Асперса, который утверждает, что феноменологический подход по своей сути идеально подходит для изучения холистической среды [Aspers 2006: 127].

В первом разделе статьи представлен краткий обзор истории Хэйхэ и Благовещенска с момента открытия границы в конце 1980-х гг. Далее, во втором разделе, описываются устойчивые различия между этими двумя городами, а также несовпадения во взглядах на развитие городского пространства. В то время как для Хэйхэ характерно сочетание современных зданий и уличных рынков, в Благовещенске наблюдается устойчивое стремление к герметизации торговли. В третьем разделе со ссылкой на психоаналитическую теорию я выдвигаю предположение о том, что уличное пространство играет в России важную роль в локальной культуре, и улица является главной территорией, где мобилизуется и демонстрируется городская современность. Далее, в четвёртом разделе, я показываю, что культурный акцент на горизонтальности не позволил жителям российского города увидеть ни стремительное экономическое процветание, произошедшее в Хэйхэ в последнее время, ни снижение роли покупательной способности россиян в этой тенденции. Наконец, в заключении я утверждаю, что культурный акцент на определённых пространствах или поверхностях служит фреймом, позволяющим понять образы Себя и Другого и осознать их значимость. Я полагаю, что антропологическое и психоаналитическое измерения являются полезным дополнением к экономическим и социологическим исследованиям в области межэтнической приграничной торговли.

Города-близнецы

На протяжении 4000 км российско-китайской государственной границы местом, где формы российской и китайской городской жизни оказываются ближе всего, являются маньчжурские города — Благовещенск (Россия) и Хэйхэ (Китай), расположенные на противоположных берегах реки Амур. Несмотря на экономическую взаимозависимость, эти города не являются близнецами в полном смысле. Так, за последние 20 лет Хэйхэ вырос с головокружительной скоростью, а Благовещенск по сравнению с ним топтался на месте. Эти два города представляют собой уникальное место, поскольку маркируют очевидную границу между двумя абсолютно разными мирами: с одной стороны — Европа, с другой — Азия. Представление о том, что по реке проходит линия разлома двух цивилизаций, крепко сидит в сознании местного населения. И россияне, и китайцы исходят из того, что они фундаментально отличаются друг от друга. На такой предпосылке и строится взаимодействие этих двух групп⁴.

³ В целях соблюдения анонимности настоящие имена моих респондентов в тексте заменены на вымышленные.

⁴ В других приграничных с Азией территориях России наблюдаются похожие дискурсивные практики. Курильские острова на границе России и Японии также обозначены в японских путеводителях как граница Японии с Европой [Morris-Suzuki 1999: 58].

Хэйхэ и Благовещенск разделяет водная линия шириной всего 500 метров, но они находятся в разных часовых поясах. В дополнение к бюрократическим барьерам и бесконечным очередям за билетами на паром, этот временной разрыв увеличивает ощущение расстояния между двумя городами. Также сразу бросается в глаза внешнее несходство их жителей, что делает эти две среды странным образом биполярными: помимо русских и китайцев, в Хэйхэ и Благовещенске практически нет представителей других этнических групп, по крайней мере, так кажется на первый взгляд. Отсюда возникает необычное ощущение перехода из одного мира в другой. Дополнительным фактором, усугубляющим видимый культурный разрыв, служит относительно недавняя история, продолжавшаяся вплоть до конца 1980-х гг., герметично закрытой границы. Разногласия вокруг приграничных территорий, произошедшие в начале 1960-х гг., привели к так называемому советско-китайскому расколу, в результате чего международная граница усиленно охранялась, рядом с ней были сформированы закрытые зоны, которые в настоящий момент остались лишь на российской стороне. На протяжении рассматриваемого периода у людей практически не было возможности пересекать границу и общаться. Для иностранцев въезд на территорию Благовещенска, имевшего статус закрытого города, был воспрещён, а для жителей других регионов России требовалось специальное разрешение на въезд.

Границу открыли в конце 1980-х. Тогда людям впервые за несколько десятилетий разрешили пересекать реку и вести взаимную торговлю. Но продолжительное разобщение оставило свой отпечаток: обе стороны развивались независимо друг от друга, у каждой был свой национальный центр, служивший точкой отсчёта. В результате Благовещенск и Хэйхэ и ныне производят впечатление абсолютно разных городов — по своему виду, «звучанию» и, наконец, атмосфере.

В силу множества административных и политических причин львиная доля локальных российско-китайских торговых сделок осуществлялась в Хэйхэ. В начале 1990-х гг., когда объём финансовых субсидий, выделявшихся из Москвы, начал уменьшаться, а многие товары первой необходимости всё сложнее было достать, открытие международной границы означало для россиян внезапное появление доступа к дешёвым китайским товарам. Теперь россияне могли отправиться на другой берег Амура за покупками и привезти домой широкий ассортимент товаров: от одежды и обуви до кухонных принадлежностей и электроники. Данные обстоятельства способствовали возникновению феномена челночной торговли: российские предприниматели («кирпичи») отправлялись на другой берег реки за оптовыми покупками и стремились совершить как можно больше рейсов за один день⁵. «Кирпичи» не представляют собой уникальное явление Благовещенска или даже Дальнего Востока, но служат мощным символом постсоветской приграничной идентичности Амурской области. В знак признания роли торговой деятельности «кирпичей» и их экономического и символического вклада в развитие региона в центре Благовещенска поставили памятник с надписью: «Труду и оптимизму амурских предпринимателей» (см. рис. 1). Благодаря резко возросшему потребительскому спросу небольшое поселение Хэйхэ на том берегу Амура быстро разрослось до крупного города, который сегодня сравним по своим размерам и количеству населения с Благовещенском.

Одним из значимых последствий того, что международная торговля проходила исключительно на китайской стороне, стало преобразование Хэйхэ в центр экономической деятельности, специализирующийся на России. Большинство торговых точек Хэйхэ, по крайней мере, те, которые расположены в непосредственной близости от берега реки, в части города, где совершается основной объём сделок купли-продажи, имеют вывески на русском языке; многие продавцы там владеют русским языком на уровне, позволяющем вести торговлю. По всему городу развешаны дорожные знаки и указатели улиц

⁵ Некоторые предприниматели осознали, что смогут зарабатывать гораздо больше, создав свою команду «кирпичей» и делегировав им перевозки товаров из Китая. «Кирпичей», переквалифицировавшихся в таких предпринимателей, начали именовать «фонарями». В других регионах Дальнего Востока, в частности в Приморском крае, «кирпичей» называли «верблюдами».

на трёх языках — китайском, русском и английском (перевод надписей на английский является общенациональной политикой). Кроме этого, многочисленные скульптуры и городская мебель в Хэйхэ связаны с российской тематикой (например, скульптуры медведей на набережной или статуи в форме матрёшек).

Рис 1. Скульптура в Благовещенске, изображающая «кирпича»

Интересно, что Хэйхэ сам по себе стилизован как «окно в Европу»: город привлекает не только россиян, но и китайских туристов, которым предлагается почувствовать себя «на побывке в России». Китайские туристы, не пересекая реку физически (это требует получения заграничного паспорта и сопряжено со значительными денежными затратами), могут отправиться в мини-круиз по реке Амур и купить российские товары в Хэйхэ на улице Хайлань, где целый квартал занимают магазины, торгующие ошеломляющим своим разнообразием ассортиментом товаров — от меховых шапок до картин в стиле европейских художников.

У россиян экономическое чудо, произошедшее в Хэйхэ, из небольшого поселения выросшем как на дрожжах в процветающий город, вызывает недовольство. Особенно благовещенцев раздражает то, как дерзко Хэйхэ привлекает внимание к своей недавно обретённой современности. Каждый вечер в 19 часов (21 час по Благовещенску) береговая линия Хэйхэ подсвечивается всеми цветами радуги, а на небе танцует лазерный луч, иногда задевая сонный российский берег. Российскими зрителями это ночное световое шоу воспринимается как огромный рекламный щит, призванный привлечь российских клиентов, а также как демонстрация силы, то есть экономической мощи нового Китая и относительной слабости Благовещенска. Электроэнергия для китайского «светошоу» поступает, как принято утверждать, из России и, предположительно, по льготному тарифу. Широко распространённое мнение россиян о том, что электроэнергия, способствующая развитию Китая, поступает из России, является отголоском ещё менее внятных представлений о том, что Хэйхэ расцвёл «на горбу россиян», в частности за счёт российского потребителя. Также у россиян вызывают раздражение мусорные корзины в форме матрёшек, которые нередко ими расцениваются как проявление неуважения к русской культуре, а также как

символическое напоминание о том, что Китай, который когда-то был «младшим братом», подражавшим более просвещённой «старшей сестре», теперь, кажется, занял лидирующую позицию.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что новые городские практики всегда несут символическую нагрузку. Принимаемое городскими властями решение о воздвижении определённых скульптур, о размещении ключевых зданий в заметных местах или о подсветке конкретных зданий обусловлено культурными традициями, но также проливает свет на культурную обусловленность природы современности. Данное утверждение верно для мест и практик экономического обмена. И в Благовещенске, и в Хэйхэ различия в использовании пространства и его восприятии зачастую неявно подразумевают будущие инвестиции в развитие обоих городов.

Заметность и маскировка

За первое десятилетие после распада Советского Союза экономические модели изменились кардинальным образом. Повсеместная демонетизация и дефицит товаров первой необходимости привели к возникновению бартера и других форм неорганизованного экономического обмена. Одной из таких форм был базар — естественное и в некотором роде хаотичное скопление покупателей и продавцов, вовлечённых в куплю-продажу товаров, которые внезапно исчезли из магазинов.

Когда в Благовещенске такие базары, или уличные рынки, стали заметными, они, как правило, ассоциировались с китайцами, имеющими давнюю репутацию торговцев и деловых партнёров. Что ещё более важно, такие открытые рынки быстро превратились в главную черту города Хэйхэ, ведь, как уже упоминалось выше, именно там осуществлялась основная доля торговых сделок между Россией и Китаем. В начале 1990-х в Хэйхэ места торговли были слабо развитыми: доступными ресторанами были только уличные палатки; большая часть торговли проходила у обочины дороги. Улицы зачастую мало чем отличались от грунтовой дороги. Привожу слова предпринимателя, названного мною Андреем:

Прямо на улице сидели старушки и шили брюки Adidas. С одной стороны у них был материал, с другой — готовые брюки. Их продавали российским туристам, которые прекрасно знали, что это подделка, но очень дешёвая подделка. Эти товары были недолговечны и очень плохого качества. Иногда швы расходились ещё до того, как ты возвращался домой.

Если российских покупателей не особо волновали низкое качество товаров и примитивная организация торговли, с которыми они сталкивались в Хэйхэ, то возникновение похожих экономических явлений в родном Благовещенске оказалось для них более проблематичным. В Благовещенске, как и по всей России, базары считались неблагополучным местом. Тем не менее их становилось в городе все больше. Как отметила Кэролайн Хамфри, «базары, подвергавшиеся массовому осуждению и считавшиеся теневыми местами спекуляции, аморального поведения и нецивилизованности, возродились в виде ключевых узлов торговли и универсальных центров частного потребления» [Humphrey 2002]. Торговцы же считались тёмными личностями, особенно первые 10 лет, когда экономический и торговый обмен по-прежнему был отягощён социалистическими моральными установками и глубоко укоренившейся неприязнью к «непродуктивной» прибыли, полученной в процессе купли и перепродажи. В своей недавней статье Олег Паченков высказывает мнение, что эти ассоциации по-прежнему актуальны. Уличный рынок воспринимается как позорное, почти криминальное место [Pachenkov 2011: 190], населённое «отверженными, которые чувствуют, что они не соответствуют общественным нормам» [Pachenkov 2011: 191].

Эта социалистическая мораль содержит также этнический компонент, поскольку членам этнических меньшинств часто удавалось занимать доминирующие позиции в экономическом обмене, в то время

как русским отводилась более скромная роль пассивных покупателей. Благовещенск — небогатый город, который не привлекает большого количества приезжих, однако в нём помимо китайских торговцев проживает незначительное число мигрантов, в основном с Кавказа или из Средней Азии. Как правило, каждая группа занимает свою нишу: китайцы продают товары из Китая, таджики — товары из Европы, а армяне и азербайджанцы продают то, что производят в России. Узбеки занимаются экспортом товаров, в частности, в Якутию — на самый север страны: Благовещенск служит неформальным коридором для якутов. Спустя десятки лет отсутствия китайских торговцев их возвращение было воспринято россиянами тяжело и порождало страх китайского вторжения, разрастания китайских кварталов и, в конечном счёте, потери территорий. Обеспокоенность подкреплялась растущим экономическим неравенством в российско-китайских отношениях, а также возможным превращением Дальнего Востока в «сырьевой придаток» энергоёмкого китайского локомотива [Kuchins 2007]⁶.

В марте 2007 г. был принят новый регламент, запрещающий иностранцам торговать на рынках, а также вблизи точек продажи медикаментов и алкоголя⁷. Эти правила действовали в течение четырёх лет. Местное русское население в целом поддерживало нововведение, поскольку было заинтересовано в том, чтобы на рынках торговали русские, но это решение лишь привело к закрытию большинства базаров: их было около 80, а осталось менее 10. Потребительский спрос на товары в тот период не сократился.

Ещё одной важной чертой новых экономических пространств было то, что в них участвовало поразительное количество женщин. Распад СССР и связанный с этим скачок безработицы и невыплат заработной платы особенно сильно ударили по женщинам [Ashwin 2000]. Многие из них начинали с продажи собственных вещей на импровизированных вещевых рынках, а затем более активно занялись челночной торговлей, привозя товары из других городов и из-за рубежа. Весьма вероятно, что доминирующая роль женщин поспособствовала отрицательному отношению к уличным рынкам и базарам в российском обществе постсоциалистического периода⁸. Смена социальных ролей, присущая политическим переворотам, оказалась, по всей видимости, важным фактором. В своём анализе роли бартера в Бурятии Кэролайн Хамфри приводит подходящий для нашего исследования довод⁹: она показала, что новые социальные структуры, на которые опирается бартер, предполагают уровень доверия, не то что не цементирующий социальные взаимоотношения, но даже выступающий новым источником напряжения [Humphrey 2000].

Если трансформация гендерных и социальных ролей послужила, несомненно, главным фактором, породившим российскую неприязнь к базарам и уличным рынкам¹⁰, то моя идея заключается в следующем: само место, где происходит торговый обмен, также поспособствовало низкому статусу этих форм торговли. В официальных и неформальных обсуждениях часто звучит мысль о том, что базары примитивны, нецивилизованны и характерны для переходного периода, их следует заменить «современны-

⁶ Открытие границы в 1990 г. усилило тревогу и опасения среди россиян по поводу предположительной китаизации российского Дальнего Востока и потенциальной балканизации. Для благовещенцев характерна относительная терпимость к присутствию китайцев, тем не менее Благовещенск стал местом настоящей бойни в 1900 г., когда погибли более 5000 китайских жителей [Дятлов 2003; Qi 2009].

⁷ Обсуждение вопросов связи нерегулируемых рынков с этничностью и незаконностью, рассматриваемой на примере Черкизовского рынка в Москве, см.: [Mörtenböck, Mooshammer 2008].

⁸ В Благовещенске и в таких городах на западе России, как Москва и Санкт-Петербург, базары непопулярны и уступают место фермерским рынкам, в то время как в Европе и США положительно относятся к этим формам открытых рынков [Pachenkov 2011].

⁹ Однако К. Хамфри отметила, что в случае бартера обменом в основном занимаются мужчины [Humphrey 2000: 81].

¹⁰ Данная ситуация не подразумевает причинно-следственной связи. Участие женщин в таких видах обмена поспособствовали заведомо низкий статус базаров и нежелание мужчин заниматься этим.

ми» форматами торговли (см. [Humphrey 2000: 260; Spector 2008: 47]). При данной аргументации часто подчёркивается малая степень организованности этих форм экономического обмена. Одна из причин того, почему принятое в марте 2007 г. решение закрыть базары в Благовещенске получило всеобщую поддержку, заключалась в намерении ввести более «цивилизованный формат», а именно — убрать открытые рынки с улицы в закрытое пространство и ввести формальное разделение на торговые и складские зоны, а также оборудовать их кассовыми аппаратами. В Хэйхэ зачастую жилое помещение совмещено с магазином, особенно в случае мелких торговых точек, где часто рядом с кассой можно увидеть кровать. На отсутствие формального зонирования ссылались и некоторые российские респонденты. Именно такие примеры приводили мои российские собеседники в ходе обсуждения «примитивных» и «нецивилизованных» торговых практик, среди которых наиболее примитивной считается уличная торговля. Другими словами, деление на «цивилизованное» и «нецивилизованное» обусловлено, скорее, пространством, где проходит торговля, а не экономическими системами, различия между которыми по-прежнему окутаны тайной для большинства непосвящённых. Важно подчеркнуть двойное значение русского выражения «на улице»: это и буквально «на улице», и «вне помещения». Торговля происходит не просто на обочине дороги, а вне помещения, то есть вне созданных человеческими руками структур. Данное различие не чисто языковое, и, как мы скоро увидим, оно является ключевым для моей статьи.

Когда китайские продавцы, часто приезжавшие по туристическим визам, начинали вести дела в Благовещенске, они раскладывали свои товары и продукты прямо на земле, покрытой брезентом. Позже, не без некоторого давления со стороны российских городских властей, они стали торговать в палатках, а в последние годы большая часть торговли наконец-то переместилась в специально отведённые торговые центры. Это, скорее, структурные, а не экономические изменения. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что понятие «торговая современность» (*commercial modernity*) связано прежде всего с местом ведения торговли.

В некоторой степени это верно и для китайского контекста, где наблюдается похожая тенденция: отказ от уличных рынков и переход к торговым центрам. Тем не менее в Китае сосуществование открытых рынков и торговых центров кажется менее проблематичным, базары по-прежнему — привычное явление¹¹. Например, каждый день с шести до девяти часов утра на улице Хайлань в центре Хэйхэ перекрывают движение, и она превращается в большой уличный рынок. Фермеры со всей области привозят фрукты, овощи, одежду и другие товары для дома, выкладывая их на брезент, который расстилается прямо на тротуаре. К девяти часам утра торговцы исчезают, и в Хэйхэ возобновляется обычная городская жизнь. Временный распорядок жизни уличного рынка подкрепляется и тем, что в отведённый для торговли промежуток времени фермеры освобождаются от уплаты налогов. Если бы не существовало налоговых льгот или возможности торговать прямо на улице, фермеры вряд ли смогли бы продавать свои товары в Хэйхэ.

Даже если уличные рынки и не соответствуют образу успешного современного города, который городские власти Хэйхэ старательно пытаются создать, открытые рынки там не считаются проблемой, что характерно для России. Даже в таких крупных китайских городах, как Хух-Хото, административной столице автономного района Внутренняя Монголия, сосуществование широких проспектов и уличных рынков — обычное явление. В России же такие базары считаются несовместимыми с образами современности. В некоторой степени образы современности несут на себе отпечаток западных экономических моделей, введённых в начале 1990-х гг. [Humphrey 2000: 260], но иногда они, по всей видимости, предшествовали появлению рынка. Например, в советскую эпоху в Благовещенске на месте главного

¹¹ В своей конструктивной книге архитекторы Билл Хилье и Жульен Хэнсон утверждают, что физическое оформление пространства всегда обусловлено культурой: каждое общество организует пространство по определенным принципам, или синтаксису [Hillier, Hanson 1984].

торгового центра «Амурская ярмарка» был крупный базар, расположенный на пересечении двух центральных проспектов. Его сочли расположенным слишком близко к центру города и к административным и правительственным зданиям и перенесли на три квартала дальше. Нежеланию терпеть уличные рынки в центре сопутствует популярная практика по перемещению торговых зон за пределы центра во многих российских городах, например, в Санкт-Петербурге. Видимо, устойчивая тяга к выселению и (или) сдерживанию базаров (в буквальном смысле к размещению их в герметичных структурах) связана не столько с нежеланием участвовать в слабоорганизованной форме экономического обмена, которую представляют собой базары, сколько с культурным стереотипом, предполагающим, что базары несовместимы с городской современностью. Именно так обосновывалось принятое в 2003 г. официальное решение о закрытии в Санкт-Петербурге десятка блошиных рынков, появившихся в начале 1990-х гг. Во время подготовки к празднованию 300-летия города уличные рынки убрали, чтобы «не уродовать и не позорить город в глазах уважаемых иностранных гостей» [Pachenkov 2011: 198]. Единственный выживший блошиный рынок у станции метро «Удельная», расположенный на окраине города, даже не упоминается в туристических путеводителях [Pachenkov 2011: 182]. Считается, что этот рынок портит современное лицо города, поэтому он просто отсутствует в официальном дискурсе.

Многочисленные киоски и другие места частной торговли, которые составляли городской пейзаж постсоциалистической России 1990-х, хотя к ним отношение было менее проблематичным по сравнению с базарами, также рассматривались с позиции лишь элементов, не в полной мере вплетённых в городскую ткань. Их называли «коммок» (коммерческий киоск) или «коммерческая точка» и воспринимали как «то, что откололось от существующей среды (*комки*), или то, что лишь проводило по ней пунктирную линию (*точки*)» [Oushakine 2009: 20]. Чужеродная природа новых видов коммерческой деятельности была заметна и по новым способам их наименования. В отличие от таких типичных и описательных названий, как «Средняя школа № 17», которые ранее картографировали городскую среду, частным магазинам и киоскам присваивались экзотические наименования, и эту тенденцию Ушакин считает симптомом попытки «перепланировать публичное пространство, создавая новые историко-географические связи» [Oushakine 2009: 17].

Согласно известному высказыванию историка Дипеша Чакрабарты, современность — понятие, упорно избегающее определения [Chakrabarty 2002: xix]. Если и в русском, и в китайском контекстах такие термины, как «прогресс» (*jinbu*) и «отсталость» (*luohou*), по-прежнему поддерживают целенаправленное движение к современному обществу, то понимание того, *что такое* современность, пока ещё очень туманно. Однако и русские, и — в большей степени — китайцы лучше знают, *где* может находиться эта неуловимая современность. Для русских современность — это, несомненно, Запад, а точнее, мечта о Западе, который представляется им здоровым и рациональным, то есть без уличных рынков и неорганизованной торговли. Образное измерение играет здесь ключевую роль: если в развитии своих городов Россия и Китай равняются на такие международные города, как Нью-Йорк или Лондон, они не следуют единому линейному пути (см.: [Ferguson 1999; Hosagrahar 2005]). Несмотря на схожий архитектурный ориентир, со структурной точки зрения Хэйхэ и Благовещенск фундаментальным образом отличаются друг от друга.

Таким образом, различия в представлениях о будущем и о современности выходят далеко за рамки заметности или незаметности базаров, а Хэйхэ и Благовещенск отличает друг от друга содержательная сторона их структурной организации. Благовещенск кажется замкнутым и почти сосредоточенным на самом себе. Главная улица — улица Ленина — идёт параллельно реке Амур, но на некотором расстоянии от неё. Нет открытых панорамных видов на другую сторону реки. У гостей города создаётся впечатление, будто река вообще не имеет большого значения для Благовещенска. Аналогично немногочисленные отели, расположенные у реки, не пытаются извлечь выгоду из своего местоположения: в лучших номерах окна выходят не на реку, а на противоположную сторону. В Хэйхэ всё наоборот: весь

город обращён к России; самые высокие и самые современные здания, в том числе лучший отель в городе, стоят на набережной.

В некоторой степени эти различия объяснимы. Хэйхэ — новый город, который вырос и развивался благодаря трансграничной торговле с Россией. Благовещенск же намного старше, и большая часть его истории прошла без соседа на той стороне реки. Он был основан в 1856 г. как Усть-Зейский военный пост; во второй половине XX века находился под усиленной охраной и считался стратегически значимым объектом. С архитектурной точки зрения город сохраняет некоторые качества форпоста: вдоль всего берега расставлены наблюдательные пункты, являющиеся историческим наследием, в том числе и советско-китайского раскола. Но это, по всей видимости, неполная картина. За 20 лет, прошедшие с открытия границы, береговая линия Благовещенска не развивалась. Набережная Хэйхэ, в свою очередь, превратилась в пешеходный променад с многочисленными деревьями, небольшими парками и летними кафе и ресторанчиками. Как уже упоминалось, контраст усиливается ночью, когда весь берег реки на китайской стороне сверкает иллюминацией. Этот явный дисбаланс напомнил моему другу, китайскому архитектору, такую метафору: *«yi zhang re lian tie zai leng pigu shang»* (一张热脸贴在冷屁股上), что буквально означает: «Горячее лицо, прижатое к холодным ягодицам».

Спокойный Благовещенск воспринимает это ежедневное световое шоу неоднозначно. Мои информанты высказывали разное отношение. Некоторые из них отзывались положительно («Отсюда это смотрится очень красиво»), некоторые — скептически («Это всего лишь шоу для привлечения туристов из России»), а некоторые респонденты были настроены очень критично и утверждали, что на эти огни идёт российская электроэнергия, поставляемая в Китай по сниженным ценам. Хотя и нельзя сказать, что большинство жителей Благовещенска положительно оценивают ночную иллюминацию Хэйхэ, но стоит заметить, что для них она бесспорно важна. Тема ночной подсветки Хэйхэ то и дело возникала в разговорах, а ночная панорама Хэйхэ даже представлена на открытках и сувенирах, которые в очень небольшом ассортименте продаются в Благовещенске.

Символизм этих огней принимает важный ещё и из-за кампании по электрификации, развернувшейся во времена раннего социализма, и значения, которое придавалось этой кампании на пути всей страны к развитию: электрическое освещение и его мощная ассоциативная связь с представлениями о просвещённости и культуре считались метонимическим символом великой идеологии — идеологии прогресса [Sneath 2009: 87]. В связи с этим привычные перебои в электроснабжении и кража медных и алюминиевых проводов, из-за которых целые районы сибирских городов в начале 1990-х гг. иногда погружались в темноту, зачастую рассматриваются как ни много ни мало провал той великой идеи прогресса. Ушакин пишет о привычных жалобах народа на то, что их «оставили в темноте» и «отрезали от мира» [Oushakine 2009: 21]. Соответственно тот факт, что именно китайская сторона теперь расцветается яркими огнями, является очень мощным и одновременно с этим дестабилизирующим фактором.

Итак, ясно, что символическое значение ночного Хэйхэ для жителей Благовещенска выходит за рамки образа экономически успешного города, который Хэйхэ рекламирует и которым гордится. Для кого-то это всего лишь блестящий фасад современности, едва скрывающий бедность, грязь и необразованность сельского населения. Для других это бренд нового пограничного города, построенного с помощью покупательной способности его российского соседа и напоминающего об обновлённом и экономически уверенном Китае. Для большинства жителей Благовещенска яркая набережная Хэйхэ — это ещё и отражающая поверхность, зеркало, напоминающее встревоженным зрителям об их собственных неудачах. Действительно, если Хэйхэ процветает и расширяется высокими темпами, то Благовещенск по-прежнему в плену административных и политических барьеров, которые в совокупности оказываются серьёзным фактором, подавляющим его рост.

Все без исключения варианты прочтения символического значения набережной Хэйхэ, несмотря на то что они опираются на разные интерпретации, исходят из общего предположения: движение города в сторону современности считается прежде всего с его поверхности. Та поверхность, о которой я здесь рассуждаю, разумеется, не одна; фактически это две пересекающиеся поверхности: горизонтальная поверхность улиц, ассоциирующаяся с «нецивилизованными» открытыми рынками, и вертикальная поверхность панорамы набережной, носящей бренд современности, которая тем не менее, хотя и не без проблем, позиционирована по отношению к аутентичным элементам городской жизни.

В следующем разделе я раскрою сложно устроенную природу поверхности как маркера и проекции Себя и покажу, что современность отображается на поверхности города. В то же время поверхность может действовать и как инструмент, позволяющий скрыть нечто от глаз, а также рассматриваться как симптом поверхностности. Как следствие этого, современность Другого имеет тенденцию к сглаживанию и превращению в плоскую и хрупкую поверхность без объёма. Кроме того, как я утверждаю в заключительном разделе, фокусирование на поверхности часто не позволяет разглядеть различные формы современности, находящиеся в других плоскостях. В частности, вертикальная плоскость, буквально прорезая горизонтальные поверхности, приоткрывает стратегии развития города и их намечающиеся траектории, которые ещё не заметны на поверхности (аналогично тому, как для большинства гостей из России фасад береговой линии скрывает то, что происходит за ним).

Поверхности

Возможно, самая первая ассоциация, которая возникает относительно поверхностей, — аналогия с покровом. Эту убедительную метафору для отделения видимого от скрытого успешно использовал Зигмунд Фрейд в своей интерпретации человеческой психики, которую он представлял в виде различных страт, особенно при противопоставлении сознательного и бессознательного. Описывая их взаимосвязь, Фрейд сравнивал сознание с поверхностью кожи: «Это щит, ограждающий личность от разрушительных воздействий» (см.: [Williams 2008: 48]). Такой щит, или покров, жизненно важен для самого существования сознательного «я», но только в той степени, в которой он остаётся невидимым. Структурное пересечение между психологическим и городским здесь видно настолько, насколько нормальное функционирование городов опирается на невидимые сети канализации, кабелей и подземных коммуникаций. Несмотря на то что эта подземная сеть спрятана, она тем не менее питает то, что на поверхности, и даёт ему возможность существовать.

Метафорическое сравнение поверхности с покровом позволяет плавно распространить его и на понимание обмана, жульничества и хитрости, ловкости, а также на бинарную оппозицию «поверхностность — глубина». Видимая поверхность защищает внутренние механизмы «я» или города, выполняя функцию кожи и оставаясь полной иллюзией. На данное измерение обращали внимание многие жители Благовещенска в разговоре со мной. Развитие береговой линии Хэйхэ (единственной поверхности этого города, видной с противоположного берега Амура) часто описывали мне как потёмкинскую деревню, оптический обман, сотворённый китайцами. Мне говорили, что это всего лишь «пыль в глаза», шоу для привлечения российских клиентов. Мои собеседники из России указывали на замечаемое ими несоответствие, с одной стороны, поверхностного образа успешного современного города и, с другой стороны, настоящего Хэйхэ — бедного и опасного города с низким уровнем культуры. Для них это несоответствие отражено в самой структуре города, где высокие современные здания и главная пешеходная улица вдоль Амура контрастируют с уходящими вглубь дорогами, вдоль которых, как утверждается, находятся ветхие дома и обитают люди, одетые в лохмотья. Фасад Хэйхэ описывается как изощрённая бутафория, пустая рекламная приманка. Двадцатилетний студент из АмГУ объяснял мне: *«Они построили колесо обозрения, которое в два раза выше аналогичного колеса в Благовещенске, прямо напротив главной артерии нашего города, и, когда кто-то приезжает в Благовещенск, первое, что открывается его взору, — это китайское колесо».*

Хотя подавляющее большинство моих российских собеседников, не раздумывая, называют «береговое шоу» Хэйхэ бессмысленным мероприятием, которое никого не может обмануть, в этих оценках, по всей видимости, присутствует понимание того, что у Благовещенска нет необходимых финансовых средств для соперничества со своим китайским соседом. Ситуация внезапно изменилась после официального визита Владимира Путина (занимавшего тогда пост премьер-министра) летом 2011 г., когда он призвал жителей города последовать примеру своего китайского соседа. После этого обращения было выделено централизованное финансирование для полной реконструкции российского берега¹². К моменту моего приезда в Благовещенск, в октябре 2011 г., начались земляные работы, грузовики подвозили песок и выгружали его на набережной, чтобы выровнять земляное полотно под строительство престижной недвижимости с видом на реку.

Яркие огни Хэйхэ, несмотря на лишь внешнюю эффектность и искусственность, выполняют функцию отражающей поверхности, демонстрирующей зрителям на российском берегу сравнительную отсталость их собственного города. Поверхность Хэйхэ, даже если она и неподлинная, стала одной из главных достопримечательностей Благовещенска. Хотя картинка, проецируемая Хэйхэ, в некоторой степени не вписывается, как мы увидим далее, в российское понимание современности, она тем не менее смогла оставить свой отпечаток в сознании жителей Благовещенска. У обоих городов есть собственные ориентиры для развития, в их числе — национальные столицы, но оба города также притягивают друг к другу прямое соперничество и взаимное сравнение. В результате Благовещенск заимствовал некоторые городские ловушки, типичные для Китая: например, использование фасадов зданий для освещения улиц или громкую музыку в общественных местах. Интегрируя эти новые черты, Благовещенск не пытается ни стилизовать себя под азиатский город, ни осознанно копировать Хэйхэ; он просто развивается и модернизируется, используя доступный ему набор маркеров современности.

Таким образом, отражающее качество поверхности тесно переплетено с более широкими представлениями о проекции, подражании и различении. Надписи на поверхности обладают особенной силой, так как именно в них проявляется самоидентификация. Как показал антрополог Майкл Тауссиг, различные культуры постоянно заимствуют что-то друг у друга через обоюдный процесс имитации — мимикрии и дифференциации — различения [Taussig 1993]. Данный тезис верен и для городских постановок современности, где городские символы становятся частью общей грамматики. Это особенно актуально для таких городов-близнецов, как Благовещенск и Хэйхэ, которые втянуты в постоянный диалог. Если Благовещенск для своей модели развития недавно заимствовал определённые азиатские черты, то Хэйхэ аналогичным образом инкорпорировал такие европейские элементы, как скульптуры, привычные для российских и других европейских городов, но совсем необычные для китайских поселений.

Хорошей иллюстрацией служит система знаков и указателей, утверждённая городскими властями в Хэйхэ и в Благовещенске. Все названия улиц в Благовещенске даны по-русски и по-английски, а в Хэйхэ они написаны на китайском, русском и английском языках. Учитывая полное отсутствие иностранных туристов в этих городах, наличие английского следует истолковывать не утилитарно, а, скорее, как маркер современности, то есть не как носитель языкового значения, а как самостоятельный метазнак. Можно даже утверждать, что используемые повсеместно в центре Хэйхэ обозначения на русском языке отчасти являются метазнаками и указательными сообщениями, особенно учитывая то, что либо подавляющее большинство этих меток содержат ошибки в написании, либо в них вообще нет значимой информации. На многих из них, например, есть только русское слово «магазин» без каких-либо указаний на виды предлагаемых в нём товаров. Для владельцев китайских магазинов наличие надписи на русском языке на вывеске имеет лишь косвенное значение, подразумевающее их предприимчивость и активное участие в экономическом развитии Хэйхэ. Такое использование русского и английского язы-

¹² Это действие является частью еще более масштабных планов правительства России по развитию Дальнего Востока через создание «мегагоскорпорации» [RIA Novosti 2012].

ков согласуется с нынешним трендом применения QR-кодов¹³ в рекламных материалах в Великобритании и других странах Европы. Как отметили журналисты «Гардиан» К. Вилламор и Б. Фрост, эти коды часто размещаются в труднодоступных для сканирования точках — на рекламных щитах на обочине дороги или на заднем стекле движущихся транспортных средств [Villamor, Frost 2012]. Хотя авторов материала в английской газете явно раздражает бесполезность таких кодов, они, возможно, упускают из виду главное: подобно использованию английского языка в Хэйхэ и Благовещенске, эти коды фактически являются показателями участия рекламодателей в инновационных практиках электронной коммерции, что автоматически позиционирует их как современных и успешных.

Из вышеизложенного следует, что поверхность города всегда имеет символическое значение. Аналогично коже человека, на которую надевается одежда и наносятся макияж или татуировки, выступающие средствами проявления индивидуальности их носителя, поверхность служит для мобилизации и демонстрации идентичности города [Ahmed, Stacey 2001]. Возвращаясь к психоаналитической трактовке, о которой я писал выше, стоит отметить, что именно Фрейд ввёл понятие «поверхностная сущность» (*surface entity*) [Freud 1962: 26], которое позже развил Дидье Анзье [Anzieu 1989]. Для таких психоаналитиков, как Анзье, кожа — это не только сцена или интерфейс между внешними стимулами и внутренними побудителями; именно на пересечении внутреннего и внешнего находится «я».

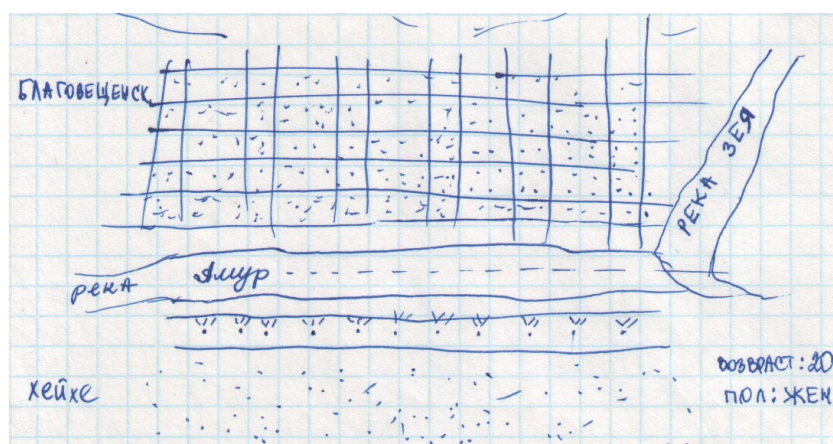
Эти идеи психоаналитической теории важны для понимания существования и заметности уличных базаров в Благовещенске. Российское нежелание полностью интегрировать базары в местные торговые практики выходит за рамки экономического измерения или даже вопросов санитарии и безопасности. Здесь на кону лицо города как таковое. Желание сдержать эти практики, переместить открытые рынки в закрытое пространство и структурно превратить их в торговые центры, как уже ранее говорилось, свидетельствует о российском стремлении перенять определённые западные практики [Humphrey 2000: 260]. Это также может свидетельствовать о доминировании культурного акцента на поверхности. В следующем разделе я разовью мысль о том, что современность в российском контексте связана прежде всего с горизонтальной плоскостью. Именно на поверхности пространство становится местностью, а глушь превращается в цивилизацию.

Аналогичным образом доминирующий российский акцент на горизонтальности также играет роль призмы, сквозь которую оценивается современность Других. Данное обстоятельство невольно ждало Хэйхэ до двумерного пространства, приспособленного для торговли с российскими клиентами, полностью уподобляя его городу-базару и пряча другие формы городского развития и торгового обмена, в которых не участвуют россияне. Действительно, несмотря на широко распространённые утверждения, что дальнейшая эволюция и даже выживание Хэйхэ зависит от Благовещенска, недавние события показывают, что российские потребители больше не служат ресурсом для последующего городского расширения Хэйхэ.

Горизонтальность и вертикальность

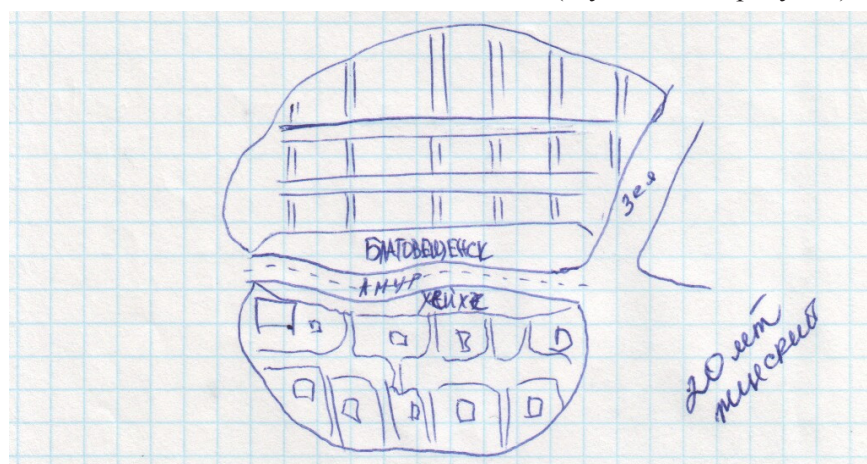
Описывая мне свой город, жители Благовещенска часто ссылались на то, что он имеет решётчатую структуру. Многие из моих собеседников гордятся сетью параллельно-перпендикулярных широких улиц, по краям которых рядами растут деревья. С их точки зрения, это делает город современным и комфортным для жизни. Когда я попросил студентов АмГУ нарисовать Хэйхэ и Благовещенск, многие из них подчёркивали решётчатое устройство своего города (см. рис. 2, 3).

¹³ QR-коды (или Quick Response codes) — это матричный штрихкод в виде квадратного изображения на белом фоне, состоящего из черных модулей (квадратных точек), которое можно сканировать с помощью большинства мобильных устройств.

Примечание: На схеме Благовещенска, представленной наверху рисунка, подчёркивается решётчатое устройство улиц. В качестве точек по обе стороны реки изображены жители двух городов.

Рис. 2. Различия Хэйхэ и Благовещенска (студенческие рисунки)

Примечание: На изображении Благовещенска, расположенном наверху рисунка, подчёркивается ортогональное качество дорожного сообщения.

Рис. 3. Различия Хэйхэ и Благовещенска (студенческие рисунки)

Если сеть параллельно-перпендикулярных городских дорог характерна не только для России (большинство американских городов построено по похожей схеме), то, возможно, нечто специфическое с точки зрения культурной значимости она приобретает в российском контексте. Как отметил китайский географ И-Фу Туан, если для американцев открытые равнины символизировали возможности и свободу, то русские крестьяне воспринимали безграничное пространство прежде всего как источник тревоги: «Оно подразумевает, скорее, отчаяние, чем возможности; оно скорее подавляет, чем побуждает к действию. Оно свидетельствует о ничтожности человека перед необъятностью и равнодушием природы» [Tuán 1977: 56]. На самом деле на протяжении всей истории России образ необъятных просторов служил мощным символом осознания себя [Widdis 2004: 33]. И, возможно, в большей степени, чем в других культурах, обозначение масштабов географического пространства воспринимается как нечто крепко связанное с судьбой страны¹⁴ и притязаниями на современность и цивилизованность. Таким образом, из-за «навязчивой идеи о том, что вся территория должна быть заселена для того, чтобы владеть и управлять ею» [Hill, Gaddy 2003: 15], в России появилось большое количество средних

¹⁴ Можно вспомнить, например, слова: «География — это судьба России» (см.: [Дугин 1997]; см. также: [Oushakine 2009: 59; Humphrey 2012: 59]).

по размеру городов, разбросанных на огромных сибирских просторах. В результате пространственная демография населения России сильно отличается от стран, для которых характерна низкая плотность населения, например, от Канады или Австралии, где население распределено менее однородно. По словам Ирины, политолога из благовещенского научного института, предпочтение, которое отдаётся в российской культуре решётчатой разметке улиц как маркеру прогресса и современности, ещё сильнее проявляется в таких городах, как Благовещенск, который в прошлом был военным аванпостом и сохраняет качество римского форта¹⁵.

Главным в этом горизонтальном сетчатом слое, разумеется, являются сами дороги. В связи с этим в интервью и в неформальных разговорах вскрылось очень интересное напряжение между структурой и поверхностью. Хотя решётчатая сеть дорог Благовещенска рассматривалась и описывалась респондентами в терминах превосходства над менее жёсткой инфраструктурой Хэйхэ, о самой поверхности российских дорог они говорили с осуждением. Таня, молодая женщина чуть старше 30 лет, живущая в Хэйхэ и удалённо работающая в головном офисе в Благовещенске, отметила: *«Российские дороги в целом очень плохие. Как говорится, “в России две беды: дураки и дороги”. Наши дороги в Благовещенске небезопасны, на них полно выбоин. Когда к нам приезжал Путин, на всех улицах, где должен был проехать его кортеж, положили новый асфальт. И больше нигде!»*

Сравнивая Благовещенск и Хэйхэ, респонденты всегда положительно отзывались о качестве дорожного покрытия в Китае. Но, как и поверхность береговой линии, о которой я писал в предыдущем разделе, ровные дороги в Хэйхэ истолковываются прежде всего с позиции обмана и маскировки. С метафорической точки зрения такое прочтение поверхности резонирует широко распространённому восприятию китайской культуры как чего-то таинственного и непроницаемого, а также общим подозрениям, будто китайцы стоят за «якобы русскими» предприятиями в Благовещенске.

Как ни парадоксально, именно за пределами поверхности — и за фасадом набережной, и под землёй — следует искать ключи к непрерывному росту и возникающей современности Хэйхэ. Набережная города срежиссирована как большой щит, рекламирующий недавно приобретённое богатство и экономическое процветание, однако преждевременно отбрасывать его в сторону как полную иллюзию. Несмотря на распространённые заявления россиян о том, что все самые высокие здания в Хэйхэ поставлены вплотную к реке, а за ними скрывается хозяйственная и культурная бедность, именно в удалённых районах, расположенных вглубь от прибрежной полосы, находятся новейшие и самые высокие достижения Хэйхэ. В последние годы на юго-восточной окраине города развернулась гигантская стройка, но так как большинство российских туристов редко осмеливаются шагнуть за пределы главных торговых улиц, прилегающих к набережной, эти изменения остались для них незаметными. Тем не менее именно там, на окраинах, а не на самом фасаде расположена основная современность Хэйхэ.

Хэйхэ, если не считать его центральный узел, открыто сфокусированный на России, очень типичен для Китая как город, отдающий явное предпочтение строительству высоток. Голландский теоретик архитектуры Рем Колхас отметил этот современный виток эволюции китайских строительных проектов и пришёл к выводу, что «небоскрёбы встают на Востоке» [Koolhaas 2004]. Аналогично Айхва Онг, анализируя новейшие городские практики в Китае, обратила внимание на появление гиперархитектуры и того, что она назвала театрализацией городского успеха (*spectacularization of urban success*) [Ong 2011: 207]. Разумеется, Китай не единственная страна, у которой есть амбиции в области вертикальной современности, но преобладание таких форм в Китае оказывается очевидным при сопостав-

¹⁵ На самом деле такая решётчатая сеть характерна не для всех российских городов. Для более старых городов, например для Москвы или Иркутска, которые естественно развивались в ходе своей истории, не характерна застройка по такой четкой схеме. Благовещенск же, несмотря на то что его основали в 1850-х гг., приобрёл свою нынешнюю форму в основном в 1940-х и 1950-х гг., когда появилась промышленность, и многие переехали туда из западной части России.

лении Хэйхэ и Благовещенска. В Благовещенске высотные здания менее привычны и менее важны для создаваемого имиджа. Фактически самая высокая и самая современная структура, расположенная в самом центре Благовещенска, — это гостиница «Азия», которую построили и которой владеют китайцы. С верхнего этажа этого 65-метрового здания, где расположен вращающийся ресторан, открываются панорамные виды Хэйхэ. «Азия» — ещё и лучшая гостиница в городе, которая рекламируется в Хэйхэ как «китайская народная гостиница в Благовещенске» (中国人的饭店).

Лучшей гостиницей в Хэйхэ является «Международная» (黑河国际饭店). Она стоит на берегу реки, и это самое высокое здание в данной части города, а также одно из тех, которые ярко освещаются в ночное время. Но, несмотря на превосходное расположение и кажущуюся ориентацию на русских клиентов, останавливаются в ней в основном китайские предприниматели. В действительности «Международная» — одно из немногих коммерческих заведений города, где не говорят по-русски, что сильно отличает её от многочисленного уличного малого бизнеса в этой части города. Таким образом, в отличие от местных продавцов, которые зазывают потенциальных клиентов приветствием «Друга! Друга!»¹⁶, персонал гостиницы (от работников на ресепшене до посыльного) не говорит даже на ломаном русском. Ярким символом снижения роли российской покупательной способности в развитии Хэйхэ и противопоставления экономических реалий горизонтальной и вертикальной плоскостей служит гостиничная вывеска с её названием на русском языке, выброшенная на крышу гостиницы и забытая там (см. рис. 4).

Рис. 4. Выброшенная на крышу гостиницы «Международная» вывеска с её названием на русском языке

Что интересно, «вид с крыши» российско-китайской торговли получает неожиданное зеркальное отражение в деятельности, происходящей под землёй. Прямо под одной из главных торговых улиц, где отовариваются гости из России, проходит длинный подземный коридор, нацеленный в основном на китайских клиентов. Ширина этого коридора примерно 3 м, с обеих сторон располагаются мелкие магазинчики, каждый из которых примерно такой же ширины, как главный проход. Торговый коридор тянется несколько кварталов под улицей Синань (兴安街), от Иньэньлу (迎恩路) до Дунсинлу (东兴路), а в его западном конце находится ресторанный зона. Этот коридор вытянут с востока на запад; ис-

¹⁶ От слова «друг»: языковая форма, ставшая символом русско-китайских торговых контактов. Преобладание таких разговорных выражений некоторые российские ученые объясняют не более чем возвращением торгового пиджина, на котором говорили в этом регионе до революции [Оглезнева 2007; Перехвальская 2008].

ключением является небольшое ответвление, начинающееся в середине коридора и уходящее на один квартал на юг¹⁷. В отличие от пространства над его потолком, на уровне земли, где российских покупателей постоянно зазывают продавцы и посредники (*помогайки*), а в витринах есть вывески на русском, клиентов под землёй редко окликают, и почти все вывески — на китайском. Фактически там очень мало клиентов из России. Под землёй, как и в лучшей гостинице Хэйхэ или вокруг новых районов на юге города, бросается в глаза отсутствие россиян.

Большая часть выставленных товаров, особенно под землёй, но и всё в большей степени на улице, с недавних пор предназначены для внутреннего китайского рынка. Явный признак этой тенденции заключается в том, что российским женщинам все сложнее найти себе одежду по размеру. Если в начале 1990-х гг. одежду шили с прицелом на российский рынок, то в последние годы предложение переключилось на местных потребителей.

Отчасти этот сдвиг можно объяснить изменениями в российских таможенных нормах. В начале 1990-х гг. россияне могли ввезти на родину до 100 кг товаров за одну поездку, но за последние 10 лет эта квота была значительно снижена — до 10 кг. Недавно квоту снова увеличили до 50 кг в день, при условии, что перевозчик пробыл в Китае не менее трёх дней. Это значит, что деятельность бывших «кирпичей» более нежизнеспособна. Если кто-то и выполняет функцию «кирпичей», то только если едет в Хэйхэ с какой-то целью, а заодно может привезти с собой максимальную квоту товаров и отбить затраты на поездку.

Если введение новых таможенных норм и имело широкие последствия для жителей Благовещенска, Хэйхэ от этого вроде не пострадал. По словам Ивана, экономиста из АмГУ, в данный момент всего 5% товаров, продаваемых в Хэйхэ, предназначены для российских потребителей, а остальные 95% — для китайцев: *«Россия всего лишь ускорила развитие Хэйхэ. Сейчас город набрал свои обороты. Если завтра граница закроется, Хэйхэ будет по-прежнему процветать. В Благовещенске же ситуация может очень сильно ухудшиться»*.

Заключение

В статье было показано, что для россиян, проживающих в Благовещенске, современность города заключается прежде всего в явлениях, находящихся на поверхности, и этот культурный акцент сильно влияет на то, как они воспринимают соседний Хэйхэ. Я коснулся двух видов поверхности. Одна из них — горизонтальная, где преобладают уличные базары и рынки; жители России её расценивают как настоящий Хэйхэ: город, населённый необразованными, грубыми и нецивилизованными сельскими жителями. Ко второй относится вертикальная плоскость, которую видно из Благовещенска в виде суперсовременной, кричащей и ослепительно яркой набережной, истолковываемой как всего лишь оптический обман, но при этом вызывающей раздражение, отражающее собственные неудачи Благовещенска.

Я предположил, что идея пересечения горизонтального и вертикального является продуктивной. Локальный российский акцент на горизонтальной плоскости как места, где мобилизуется и обнаруживается современность, оставляет незаметными торговые и социальные явления, происходящие над и под этой поверхностью. Если смотреть на горизонтальную плоскость сквозь эту культурную призму, то получается, что горизонтальная плоскость представляет собой эффективное пространство современности, в то время как вертикальная оказывается иллюзорной, более того, в контексте взаимоотношений Хэйхэ и Благовещенска последняя ещё воспринимается и как манипулятивная.

¹⁷ Брезент в конце этого небольшого ответвления наводит на мысль, что возможно его расширение.

В интервью и групповых обсуждениях респонденты не поднимали тему вертикальности, но в Благовещенске также есть ряд высотных зданий, главное из которых — сверхсовременная гостиница «Азия». В свою очередь, все без исключения элементы, которые устойчиво считаются маркерами прогресса, современности и цивилизации, расположены в горизонтальной плоскости. Они включают решётчатую структуру транспортной системы, качество дорог, чистоту тротуаров. Как я отмечал выше, желание сдерживать нерегулируемую (или «нецивилизованную») уличную торговлю и буквально вытеснить её с улицы взяло вверх над её практическим преимуществом, а именно над продажей товаров по более низким ценам. Если открытые места торговли, постоянно описываемые в терминах криминала, грязи и нецивилизованности, и представляют собой угрозу, то в первую очередь — структурную.

В Хэйхэ нет фокуса на горизонтальности, по крайней мере, в той же степени, в какой он присущ России. Я показал, что в Хэйхэ также наблюдается структурное движение в сторону герметизации торговли, в том числе перемещение её в торговые центры и другие современные торговые форматы, однако наибольшее признание там получила вертикальная плоскость, что, видимо, можно назвать общекитайским трендом, где акцент в настоящее время делается на архитектурной зрелищности. Уличная деятельность (в буквальном смысле совершаемая на тротуаре, с тележками и осликами), возможно, и не является тем самым образом, который такие современные города, как Хэйхэ, стараются сформировать, однако её там не считают помехой для развития, что происходит в России.

Разумеется, взаимоотношения жителей Благовещенска и Хэйхэ выходят за рамки описанного здесь материала — и по своему объёму, и по своей сложности. Измерение, затрагиваемое мною, относится к отражающей природе прибрежной части Хэйхэ, и оно показывает наблюдателям из России относительную отсталость их собственного города. Но горизонтальная плоскость Хэйхэ может служить и поверхностью, на которую можно активно проектировать разные вещи и обстоятельства. Очень интересный аспект отношений изучаемых городов-близнецов — это статус Хэйхэ как места развлечения для россиян. Если у жителей Благовещенска появление в их городе базаров вызывает дискомфорт, то на другой стороне реки посещение базаров приносит удовольствие. В Хэйхэ этой устаревшей, «нецивилизованной» торговлей можно свободно наслаждаться без угрозы для субъективного восприятия собственного положения относительно современности. Возможно, ещё одно возникшее измерение — это аспект поверхности как места проекции чувств и желаний; внешнее выражение тайно желаемой, но не совсем вписывающейся в имеющуюся структуру деятельности.

Проекция видна и с китайской стороны в той мере, в которой ночные огни Хэйхэ, особенно упоминаемый выше лазерный луч, выполняют функцию факела, освещающего другую сторону¹⁸. Таким образом, берег реки (и это уже не просто двухмерный фасад) получает значительную глубину и возможность воздействовать на развитие другой стороны. Я уже писал о символическом перевороте социальных и культурных иерархий, обозначаемом яркими огнями Хэйхэ. Возможно, наиболее красноречивый аспект такого преобразования — это недавно принятое в Благовещенске решение провести полную модернизацию своей набережной. Реагируя на визуальные сигналы Хэйхэ, Благовещенск не только начинает проявлять активную инициативу в этой обоюдной и зеркальной эволюции, но и сообщает о своей готовности соприкоснуться с вертикальной современностью Хэйхэ.

Литература

Дугин А. 1997. Пётр Савицкий — идеолог великой Евразии. *Finis Mundi (Конец мира)*. 12. URL: <http://profismart.org/web/bookreader-122475-18.php>

¹⁸ Благодарю Мэрилин Стрэттерн за высказанное предположение об этом аспекте береговой поверхности Хэйхэ.

- Дятлов В. 2003. Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий. В сб.: Панарин С. А. (сост. и отв. ред.). *Евразия: люди и мифы*. М.: Наталис; 123–141.
- Оглезнева Е. 2007. *Русско-китайский пиджин*. Благовещенск: Изд-во АмГУ.
- Перехвальская Е. 2008. *Русские пиджины*. СПб.: Алетейя.
- Ahmed S., Stacey J. 2001. *Thinking through the Skin*. London: Routledge.
- Anzieu D. 1989. *The Skin Ego*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Ashwin S. 2000. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge.
- Aspers Pk. 2006. *Markets in Fashion: A Phenomenological Approach*. London: Routledge.
- Billé F. 2010. Sounds and Scripts of Modernity: Language Ideologies and Practices in Contemporary Mongolia. *Inner Asia*. 12 (2): 231–252.
- Chakrabarty D. 2002. *Habitations of Modernity: Essays in the Wake of Subaltern Studies*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ferguson J. 1999. *Expectations of Modernity: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt*. Berkeley: University of California Press.
- Fligstein N. 2001. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Freud S. 1962. *The Ego and the Id*. New York: W. W. Norton.
- Hill F., Gaddy C. G. 2003. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Hillier B., Hanson J. 1984. *The Social Logic of Space*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hosagrahar J. 2005. *Indigenous Modernities: Negotiating Architecture and Urbanism*. London: Routledge.
- Humphrey C. 2000. An Anthropological View of Barter in Russia. In: Seabright P. (ed.) *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge: Cambridge University Press; 71–92.
- Humphrey C. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Humphrey C. 2012. Concepts of «Russia» and their Relation to the Border with China. In: Billé F., Humphrey C., Delaplace G. (eds) *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers; 55–70.
- Koolhaas R. 2004. Beijing Manifesto. *Wired*. 12 August: 120–129. URL: http://www.wired.com/wired/archive/12.08/images/FF_120_beijing.pdf

- Kuchins A. 2007. Russia and China: The Ambivalent Embrace. *Current History*. 106: 321–327.
- Morris-Suzuki T. 1999. Lines in the Snow: Imagining the Russo-Japanese Frontier. *Pacific Affairs*. 72 (1): 57–77.
- Mörtenböck P., Mooshammer H. 2008. Spaces of Encounter: Informal Markets in Europe. *Architectural Research Quarterly*. 12: 347–357.
- Ong A. 2011. Introduction: Worlding Cities, or the Art of Being Global. In: Roy A., Ong A. (eds) *Worlding Cities: Asian Experiments and the Art of Being Global*. Chichester: Blackwell Publishing; 1–26.
- Oushakine S. A. 2009. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Pachenkov O. 2011. Every City has the Flea Market it Deserves: The Phenomenon of Urban Flea Markets in St. Petersburg. In: Tsypylma D., Kaschuba W., Krebs M. (eds) *Urban Spaces after Socialism: Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities*. Frankfurt/Main: Campus Verlag; 181–206.
- Qi Xuejun [祁学俊]. 2009. 黑河史话. Harbin: Heilongjiang Renmin Chubanshe.
- RIA Novosti. 2012. *Putin Ready to Revive Russia's Far East Mega Plan*. 29 November. URL: <http://en.rian.ru/business/20121129/177822312.html>
- Sneath D. 2009. Reading the Signs by Lenin's Light: Development, Divination and Metonymic Fields in Mongolia. *Ethnos*. 74 (1): 72–90.
- Spector R. A. 2008. Bazaar Politics: The Fate of Marketplaces in Kazakhstan. *Problems of Post-Communism*. 55 (6) (November–December): 42–53.
- Taussig M. 1993. *Mimesis and Alterity: A Particular History of the Senses*. London: Routledge.
- Tuan Y.-F. 1974. *Topophilia: A Study of Environmental Perception Attitudes and Values*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Tuan Y.-F. 1977. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Tuan Y.-F. 2007. Time, Space, and Architecture: Some Philosophical Musings. In: Ruan X., Hogben P. (eds) *Topophilia and Topophobia: Reflections on Twentieth-Century Human Habitat*. London: Routledge; 22–30.
- Villamor C., Frost B. 2012. WTF, QR Codes? *The Guardian*. 7 March. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/mar/07/qr-codes-tumblr-advertising>
- Widdis E. 2004. Russia as Space. In: Franklin S., Widdis E. (eds) *National Identity in Russian Culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 30–50.
- Williams R. 2008. *Notes on the Underground. An Essay on Technology, Society and the Imagination*. Cambridge, MA: The MIT Press.